

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*– Уважаемые господа, –
обратился к
собранным Дронго, –
вас ровно тринадцать
человек. Число
несчастливое и не очень
хорошее. Но отсюда
выйдет только
двенадцать...*

Чингиз Абдуллаев

На грани
фола

Дронго

Чингиз Абдуллаев

На грани фола

«PEN-клуб»

2011

Абдуллаев Ч. А.

На грани фола / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2011 — (Дронго)

Футбольная команда «Динамо» из Санкт-Петербурга проводит недельный сбор в Турции. В баре отеля, где остановились футболисты, тренер команды случайно встречает своего давнего знакомого, знаменитого эксперта по вопросам преступности Дронго. Пользуясь случаем, он обращается к сыщику с просьбой о помощи. Перед каждым ответственным матчем проявляется недомогание у голкипера Епифанцева. В последнем случае в стакане вратаря были обнаружены остатки сильнодействующего лекарства – то есть голкипера пытались отравить. Дронго предполагает происки конкурентов. Если бы эксперт знал, как он ошибается...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Чингиз Абдуллаев

На грани фола

Будем наслаждаться своим уделом, не прибегая к сравнениям: никогда не будет счастлив тот, кого мучает вид большего счастья. Когда тебе придет в голову, сколько людей идут впереди тебя, подумай, сколько их следует позади тебя.

Сенека

Человек при виде чужого достатка и наслаждения горше и больнее чувствует свою нужду и недостаточность – это естественно и неизбежно, лишь бы при этом не возникало ненависти к более счастливому; но в этом-то, собственно, и состоит зависть.

Артур Шопенгауэр

Глава 1

За последние двадцать пять лет произошли значительные изменения в сфере европейского туризма. Занимавшие некогда первые места в этой классификации Франция и Италия постепенно уступили свое место сначала послефранковской Испании, начавшей развивать туризм с конца семидесятых и особенно усилившей строительство туристической инфраструктуры в девяностые годы прошлого века. Но еще более поразительных и невероятных успехов в последние четверть века добилась Турция. Бедная, нищая, аграрная страна, в которой военные перевороты следовали один за другим, вырвалась в лидеры туристической Европы, сумев за двадцать – двадцать пять лет создать не только исключительно благоприятные условия для развития туризма, но и выстроить многочисленные аэропорты, вокзалы, отели, рестораны, магазины, используя практически все западное и южное побережья своей страны.

Туризм стал одной из важнейших статей дохода Турции, и многие европейцы, особенно немцы, с удовольствием начали практиковать отдых именно в этой стране. Сюда же потянулись и граждане из новых республик бывшего Советского Союза, в результате чего в Стамбуле, Измире, Бодруме, Анталье, Белеке и в десятках других городов довольно быстро получили распространение русский и немецкий, причем русский язык безоговорочно победил, став вторым после турецкого в общении между миллионами прибывающих туристов и местным населением.

Именно поэтому в один из лучших отелей на южном побережье, в Белеке, принадлежавший знаменитой сети отелей «Кемпински», приехала футбольная команда «Динамо» из Санкт-Петербурга, решившая отдохнуть и провести своеобразный недельный сбор именно в этом отеле. Несколько лет назад сюда дважды прилетал московский «Спартак», и тренер москвичей с удовольствием рассказывал о времени, проведенном в этом курортном месте. Поэтому тренер «Динамо» немец Райнер Веземан тоже выбрал именно это место для недельного сбора своей команды.

Как и полагается, команда прибыла на отдых со своим техническим персоналом, куда входили не только руководители клуба и тренеры, но и массажисты, врачи, даже специалист по питанию, лично разрабатывающий диеты для футболистов. Всего прибывших насчитывалось тридцать пять человек. Они приехали в отель шумной группой, привлекая к себе внимание почти всех женщин, отдыхающих в Белеке.

К вечеру в отеле появился еще один гость, прибытие которого прошло почти незамеченным. Он приехал с одним чемоданом, и ему почти сразу предоставили номер с видом на море.

Переодевшись, гость спустился к ужину в ресторан отеля, где традиционно вывешивали большие плакаты с извещением о том, какой кухне посвящается сегодняшний вечер.

Ему было около пятидесяти. Высокого роста, уже начавший лысеть, подтянутый, больше-лобый, с внимательным, немного ироничным взглядом, тонкими губами и строгими чертами немного вытянутого лица. Незнакомец прошел к одному из столиков, попросив официанта принести минеральной воды без газа. Рядом расположилась приехавшая компания футболистов, которые, весело смеясь, рассаживались за поставленные в один ряд столы. Неожиданно один из них, увидев незнакомца, поднялся и шагнул к нему, радостно помахав рукой.

– Не может быть! – воскликнул он по-английски. – Господин Дронго? Неужели это вы? Не могу поверить, что встретил вас именно здесь, в Турции.

– Я приехал сегодня вечером, – ответил Дронго, – и не думал, что вы отдыхаете в этом отеле целой командой. А почему вы выбрали именно этот отель, герр Веземан?

– Нам его рекомендовали, – пояснил немец. – Я ведь тренирую этих ребят уже второй год, и мы решили, что будет правильно, если выберемся всей командой на недельный сбор именно сюда.

Райнеру Веземану было под шестьдесят. Среднего роста, седоволосый, подвижный, энергичный, он возглавил клуб в прошлом году – и сразу сделал его бронзовым призером чемпионата России.

– Я слышал про ваши успехи, – кивнул Дронго. – Говорят, в этом году вы хотите замахнуться на чемпионский титул.

– Почему бы и нет, – улыбнулся Веземан. – «Зениту» это удалось несколько раз, а в таком городе, как Санкт-Петербург, должно быть несколько хороших команд. Вот мы и подумали, почему бы в этом году и второй команде из Северной столицы не попытаться стать чемпионом.

– Не сомневаюсь, что у вас получится, – пожелал ему успехов Дронго.

Они были знакомы уже достаточно давно. Веземан был игроком легендарной немецкой сборной семьдесят четвертого года, которая выиграла чемпионат мира по футболу. Тогда в ней играли Майер, Беккенбауэр, Нетцер, Брайтнер, Мюллер и другие известные футболисты. Среди них был и Веземан. Дронго никогда особенно не скрывал, что много лет являлся поклонником немецкой сборной, которая на протяжении многих лет демонстрировала не просто отличный футбол, но и невероятную волю к победе, иногда вырывая ее буквально в считанные минуты до конца матча.

– Вы даже не представляете, как я рад, что мы с вами встретились, – неожиданно произнес Веземан. – Если бы этой встречи не произошло, ее нужно было придумать, как говорят обычно в таких случаях. Вы мне очень нужны, господин Дронго.

– Надеюсь, как ваш друг и поклонник, – улыбнулся в ответ Дронго.

– Нет, вы нужны мне именно как эксперт. – Говоря это, Веземан почему-то начал оглядываться по сторонам, словно опасался, что их могут услышать.

– Какое отношение к футболу имеет моя деятельность эксперта по расследованию тяжких преступлений? – удивился Дронго. – Насколько я могу видеть, все ваши подопечные находятся в прекрасной спортивной форме, и никаких преступлений здесь вроде бы не происходит.

– Это только кажется, – вздохнул Веземан. – Мне самому ужасно не хочется в это верить, но факты – упрямая вещь... Мне действительно нужна ваша помощь, господин Дронго. Очень нужна.

– В таком случае я готов вам ее оказать, – сразу став серьезным, предложил Дронго.

– Очень хорошо, – сказал Веземан, поднимаясь. – Если разрешите, я зайду к вам сразу после ужина. Минут через тридцать после того, как мы поднимемся наверх. Какой у вас номер?

– Двести тридцать восьмой.

– Извините, что спрашиваю, – снова оглянулся по сторонам тренер, – но я не хотел бы встречаться с вами где-нибудь в баре или холле. Мне нужно поговорить с вами наедине. Чтобы нас никто не видел и тем более не смог подслушать наш разговор.

– Никаких проблем, – согласился Дронго, – поднимайтесь в номер, я буду вас ждать.

– Тогда договорились. – И Веземан отошел к своему столу.

Дронго несколько озадаченно посмотрел в сторону ушедшего. Какие проблемы могут волновать успешного тренера из Германии, работающего с российской командой? Конечно, бюджет «Динамо» из Санкт-Петербурга нельзя сравнивать с бюджетом их основного соперника – «Зенита». Если первая команда была на содержании частных спонсоров и частично руководства города, то «Зенит» обеспечивался такой мощной структурой, как «Газпром», и соответственно имел самый большой бюджет в российском футболе. Хотя какое отношение имеет к бюджету клуба тренер? Это скорее проблемы руководства клуба, но никак не самого Веземана. Действительно, интересно, о чем именно хочет он с ним поговорить? И каким образом эксперт по вопросам преступности может помочь наставнику футболистов?

Он попросил официанта принести ему местное белое вино, отличавшееся приятным легким вкусом. Попробовал вино, и оно ему понравилось. На ужин предполагался шведский стол, и Дронго, взяв большую тарелку, пошел выбирать себе блюда. Около полки с разнообразными салатами спиной к нему стояла молодая девушка в светлом брючном костюме и с коротко стриженными волосами. Он остановился за ней, продолжая обдумывать слова Веземана. Девушка сделала шаг в сторону, и Дронго занял ее место. Положил себе немного свежих огурцов и помидоров. Молодая женщина еще немного сместилась, и он тоже сместился влево. Она выбирала в основном легкие закуски и в тот момент, когда Дронго протянул руку, чтобы взять очередную порцию салата, вдруг подняла голову.

Этого не могло быть! Этого просто не могло быть никогда! Дронго ошеломленно замер. Девушка равнодушно посмотрела на него, отвернулась и прошла дальше. А он продолжал стоять как вкопанный. Она оглянулась, не понимая, что происходит. Нет, это невозможно! Тарелка в его руках задрожала, выпала из рук и с грохотом упала на пол, разлетаясь на кусочки вместе с нарезанными помидорами и огурцами. Девушка снова повернулась, на этот раз более внимательно глядя на его ошеломленное лицо. Официант бросился собирать осколки разбившейся тарелки и рассыпавшиеся овощи, а Дронго все еще стоял не двигаясь. Такое случилось с ним впервые в жизни. Впервые в своей жизни он потерял контроль над своими чувствами, над своим поведением и даже над своим лицом.

Она уже вышла из ресторана на открытый воздух, когда к нему подошел другой официант с пустой тарелкой и осторожно спросил:

– Что вам положить? – Видя, что гость не реагирует, переспросил уже по-английски: – Вы понимаете, о чем я вас спрашиваю?

– Говори по-турецки, – очнулся Дронго, взглянув на официанта, – я хорошо понимаю турецкий.

– Простите, я видел, что вы не реагируете, – обрадовался тот. – Может, вам стало плохо? Пройдите, пожалуйста, на свое место, я вам все принесу.

– Нет, – возразил Дронго, – спасибо. Ничего не нужно. Я сам выберу. Кажется, я действительно себя плохо почувствовал.

Он забрал тарелку, положил первый попавшийся салат и вышел из ресторана на площадку, где стояли столики. Прошел к своему столу, взял вилку и, не сводя взгляда с незнакомки, механически попробовал то, что положил на тарелку, даже не ощущая вкуса. Он смотрел и не верил собственным глазам. Эти тонкие губы, знакомые черты лица, ровный прямой нос, эти коротко стриженные волосы и раскосые глаза. Но это просто невозможно! Может, она дочь или племянница той женщины, о которой он всегда помнил, видел иногда в своих снах и никогда не забывал? Нет, так в жизни не бывает. Если бы Натали не умерла на его руках,

он бы поверил, что она чудом воскресла. Ровно через двадцать лет. Судя по внешнему виду, этой молодой женщине лет двадцать шесть или двадцать семь. Она даже моложе Натали, когда они впервые встретились.

Он всю жизнь помнил эту дату, этот первый день встречи. Двенадцатое ноября тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. Они впервые встретились с Натали у собора Святого Штефана в Вене. Это были годы, когда американские и советские спецслужбы пытались наладить свой диалог после многолетней холодной войны. И в качестве двух связных этого диалога были выбраны он и Натали Брэй. Сколько событий тогда произошло! Они предотвратили покушение на Горбачева во время его встречи с двумя американскими президентами, и он был тяжело ранен. А потом, через три года, они встретились снова в Вене, где одновременно разыгрывали свои партии сразу несколько спецслужб, среди которых были ЦРУ, КГБ и МОССАД. В последний момент было принято решение о его показательной ликвидации. Она спасла ему жизнь, заслонив от пули убийцы, и скончалась на его руках в венском аэропорту. Опять Вена... Словно этот чудесный город был непостижимым образом связан с Натали.

С тех пор прошло двадцать лет. Им обоим тогда было около тридцати. Если для женщины это возраст подлинного расцвета, то для мужчины он еще не является определяющим. Теперь, по прошествии стольких лет, Дронго это точно знал. Натали погибла, сделав осознанный шаг, и он помнил об этом всю оставшуюся жизнь. Ему в то время отчасти «повезло». Это была осень девяносто первого. Пока решался вопрос, что именно следует с ним сделать, не стало Советского Союза и самого КГБ, разделенного на несколько частей. И вот спустя столько лет он неожиданно встречает в Турции вторую Натали, словно скопированную с нее через двадцать лет. А может, действительно это ее дочь или племянница?

Дронго подумал, что нужно подняться и подойти к этой молодой женщине, чтобы узнать, как ее зовут, откуда она прилетела и была ли когда-нибудь знакома с Натали Брэй. Но в этот момент к одиноко сидевшей молодой женщине подошел какой-то мужчина. Она подняла голову и улыбнулась. Мужчина улыбнулся в ответ, что-то сказал и уселся рядом. Он был в джинсах и светлой рубашке. Выше среднего роста, подтянутый, с развитой мускулатурой, загорелый, с длинными темно-каштановыми волосами. Они начали оживленно разговаривать, и по их виду было понятно, что они давние и близкие знакомые. По знаку мужчины им подали бутылку шампанского.

Дронго с непонятной грустью следил за этой парой, словно это была его знакомая женщина, которая на его глазах почти изменяла ему с другим мужчиной, и даже не думал, что ведет себя не очень прилично. Так он и просидел почти весь вечер, ни к чему не прикоснувшись. Только когда пара покинула свой столик, он подозвал официанта и спросил у него:

– Из какого номера были те двое молодых, которые сидели за соседним столом?

– Она из сто сорок четвертого, – ответил официант. – Вам нужны еще какие-нибудь подробности?

– Как их зовут? Вернее, как зовут ее?

– Не знаю, – пожал плечами официант, – но если хотите, я могу узнать.

– Не нужно, спасибо. – Дронго оставил на столе бумажку в десять долларов, и официант, радостно поблагодарив его, спрятал деньги в карман.

Дронго прошел в холл отеля и поднялся в прозрачной кабине лифта на нулевой этаж, где находились служба размещения и служба консьержа. У них он и уточнил, кто именно живет в сто сорок четвертом номере. В номере жила гражданка Австралии Рэчел Блэкли. Сидевший рядом с ней за столом мужчина проживал в соседнем номере. Его звали Милован Мешкович, и он был родом из Сербии. Портье любезно сказал, что оба молодых человека прибыли вместе, но у них были заказаны два разных номера рядом друг с другом. Никаких других данных ему сообщить не могли, и разочарованный Дронго поднялся на свой этаж. Эта австралийка

была так похожа на американку Натали Брэй, что он почувствовал даже какой-то своеобразный мистический страх, словно Натали решила воскреснуть через двадцать лет.

Он обдумывал это невероятное сходство, сидя на диване в своем номере, когда услышал стук в дверь. Дронго вскочил и поспешил к входной двери, словно надеясь на чудо, что именно она решит сегодня вечером зайти к нему в номер. Но на пороге стоял Веземан. Скрывая разочарование, Дронго посторонился, пропуская гостя в свой номер, закрыл за ним дверь и обернулся к Веземану:

– Я вас слушаю.

Глава 2

Тренер вошел в комнату и устроился на маленьком диване.

– Что-нибудь будете пить? – вежливо поинтересовался Дронго.

– Нет, спасибо. Еще раз извините, что беспокою вас в номере. К сожалению, мой русский слишком несовершенен, чтобы я мог правильно излагать на нем свои мысли. А переводчика я не захотел с собой брать.

– Пусть будет английский, – слегка улыбнулся Дронго, усаживаясь на стул рядом с ним.

– Да, конечно. Спасибо. Дело в том, что у меня к вам абсолютно невероятное предложение, которое, возможно, вы никогда раньше не слышали и о котором я просил бы вас пока никому не говорить.

– Я уже понял, что у вас серьезное дело и никто не должен об этом знать.

– Вот именно. – Веземан вздохнул, словно вспоминая события, о которых будет сейчас рассказывать. – Все началось еще весной этого года. У нас была важная встреча в рамках Кубка России, когда в полуфинале мы должны были играть с московским ЦСКА. Вы знаете, что раньше проводили только один, а не два матча в рамках кубковых встреч. Но с этого года ввели новое правило: проводить два матча, как в европейских кубках. Дома и в гостях. И у себя дома мы сумели победить со счетом один – ноль, поэтому в ответном матче нас устраивала ничья. Даже проигрыш с разницей в один мяч, например один – два или два – три. Это была очень важная игра в Москве, где мы просто обязаны были не уступить. И, конечно, в подобных условиях очень многое зависело от нашего вратаря Николая Епифанцева. Мне всегда трудно выговаривать фамилию Коли. Вы знаете, что он прекрасный голкипер и даже рекомендован в сборную России по футболу.

– Я об этом слышал.

– Он – наш первый вратарь. Мы готовились к матчу очень ответственно и считали, что сможем выстоять. Но буквально за несколько часов до начала матча Николаю стало плохо. Мы вызвали врача, и тот констатировал пищевое отравление. Конечно, мы были очень разочарованы. В таком матче Епифанцев мог бы помочь нам вырвать ничью. Но его отправили в больницу на промывание желудка. Он вспомнил, что ел накануне вечером в ресторане грибы и, возможно, отравился, хотя это было достаточно спорно – ведь он ужинал в очень хорошем ресторане. Мы специально проверяли, у них никогда до этого не было подобных случаев. К счастью, ничего плохого с ним не случилось, уже через несколько дней он был в форме. А матч с ЦСКА мы проиграли со счетом один – три. Наши ребята смогли забить гол, но пропустили три мяча. Конечно, если бы на воротах стоял Николай Епифанцев, этого бы не случилось.

– Такое с каждым может случиться.

– Безусловно, мы тоже так подумали. Прошло два месяца. Мы должны были играть исключительно принципиальный матч с «Зенитом». Противостояние двух команд из Санкт-Петербурга всегда привлекает особый интерес. Ну, вы знаете это лучше меня. Московское «дерби» тоже всегда бывает достаточно интересным. Или лондонское противостояние «Арсенала» с «Тоттенхемом», ливерпульское соперничество «Ливерпуля» и «Эвертона», не говоря уже о возросшей конкуренции между «Манчестер Юнайтед» и «Манчестер Сити»... В общем, это обычная практика соперничества двух команд из одного большого города, когда болельщики Санкт-Петербурга делятся ровно пополам.

– В этом я не сомневаюсь, – согласился Дронго. – Когда я учился в Москве, то традиционно болел за московское «Динамо», хотя самое большое число болельщиков всегда было у «Спартака». Свои болельщики были у ЦСКА, «Торпедо», «Локомотива». Но это было еще во времена Советского Союза.

– Я раньше работал в Испании, – продолжил Веземан, – там, кроме вечного противостояния мадридского «Реала» и «Барселоны», было еще и своеобразное соперничество между королевским клубом и «Атлетико», за который болели многие жители столицы. Я тоже посчитал, что происшедший случай с Колей Епифанцевым – всего лишь досадное недоразумение. Но уже перед матчем с «Зенитом» Епифанцев опять не смог выйти на поле. У него была сильнейшая рвота, началась диарея, и наш врач даже испугался, что будет полное обезвоживание организма. И снова все произошло буквально за полчаса до начала игры, поэтому пришлось срочно ставить на игру второго голкипера. Колю увезли в больницу, а мы чудом не проиграли матч, сумев сделать ничью два – два, хотя по ходу матча дважды проигрывали.

Дронго внимательно слушал рассказ тренера, который начинал все больше волноваться.

– Нужно было видеть, как переживал Коля, ведь второй мяч мы совсем необязательно должны были пропускать. Вся команда переживала за него, и я тоже, конечно. Но дело в том, что мой отец был полицейским. Я никогда об этом вам не говорил, герр Дронго. Он всю жизнь работал в криминальной полиции Дюссельдорфа, откуда я родом, и очень любит футбол. Отец с детства брал меня на все матчи местной команды и гордился моими успехами; даже сумел лично присутствовать на том знаменитом матче в финале семьдесят четвертого, когда, проигрывая ноль – один, мы победили легендарную команду голландцев во главе с Кройфом. Правда, в финале я не играл, но был в числе запасных и вместе со всеми получал золотую медаль чемпионов мира.

– Я помню этот матч, – улыбнулся Дронго, – одно из лучших воспоминаний моего детства. На первой минуте был назначен пенальти в ваши ворота. Потом Брайтнер, тоже с пенальти, сравнял счет, а Герд Мюллер забил победный гол уже в первом тайме. И голландцы не смогли перестроиться, проиграв вашей команде финальный матч. Второй раз еще большее потрясение я испытал в восемьдесят втором году, когда в полуфинале играли французы и немцы. В дополнительное время французы повели три – один. Казалось, что всё, игра сделана. Мой отец болел за французов. Он никогда не разделял моего увлечения немецкой сборной. Простите, герр Веземан, но он воевал, и два его брата погибли на фронтах Великой Отечественной, поэтому подсознательно всегда нервничал, только услышав немецкую речь. Тогда весь Баку болел за французов. И когда счет стал три – один, отец посмотрел на меня и с улыбкой спросил: «Ты еще на что-то надеешься? Игра сделана, французы вышли в финал». Я упрямо пробормотал, что немцы способны на чудеса, хотя и сам не верил. Во втором тайме на поле вышел травмированный Руммениге, и немецкая сборная сначала отыграла один гол, затем второй – за несколько минут! Просто фантастика. Весь мир наблюдал за этим великим противостоянием. По пенальти немцы победили. Помню, как мой отец развел руками и впервые в жизни признал победу немцев. «Чего у них не отнимешь, так это их воли к победе», – сказал он, обращаясь ко мне.

– Так вот, мой отец был полицейским, – напомнил Веземан, – и часто говорил мне, что подряд двух совпадений в жизни просто не бывает. Нужно всегда искать причину подобных совпадений.

– Полагаю, что он был прав, если дважды в решающих матчах ваш голкипер не мог выйти на поле.

– Вот именно. Я тогда решил, что второе совпадение – слишком невероятная случайность, чтобы повториться дважды, поэтому забрал стакан, из которого пил наш вратарь перед выходом на поле, и попросил сотрудника нашего консульства отправить его на экспертизу в Германию. Я не хотел, чтобы какие-либо подозрения омрачили настроение в команде, и сделал все достаточно осторожно. Через неделю мне сообщили из Германии, что мои подозрения полностью подтвердились. В стакане Епифанцева были обнаружены остатки сильнодействующего лекарства, которое ему кто-то сознательно добавил в воду.

– Почему вы так уверены, что это был его стакан?

– У него большой стакан с надписью «Лучший голкипер», сделанный на заказ. Такой сувенир выпустили к юбилею знаменитого русского вратаря Льва Яшина в Великобритании. И Коля всегда пьет только из этого стакана. Поэтому мне было легко отправить именно его на экспертизу, не перепутав с другими похожими. Потом Коля долго искал свой стакан, я вернул его только через три недели, сказав, что спрятал и забыл об этом.

– Значит, его сознательно пытались отравить?

– Думаю, что нет. Немецкие эксперты подчеркнули, что доза была не смертельной, но достаточной, чтобы вызвать полное расстройство организма и неспособность голкипера к игре. Вы когда-нибудь подобное слышали? Можете себе представить, в каком состоянии я был? Ведь в нашу раздевалку никто из посторонних никогда не заходит. Это просто запрещено, и у дверей всегда дежурит охранник.

– И вы никому об этом не сказали? Когда это произошло?

– Последний случай был примерно полтора месяца назад. Нет, даже чуть больше. Конечно, я рассказал. Президенту клуба господину Бочкареву. Это был мой долг как старшего тренера, тем более что после обидного поражения от ЦСКА мы не смогли взять Кубок, на который вправе были рассчитывать. Мы встретились с ним наедине, я ему обо всем рассказал и передал заключение немецких экспертов.

– Как отреагировал Бочкарев?

– Очень расстроился. И я его понимаю: услышать такое про собственную команду... Не каждый президент может справиться с подобным известием. Но нужно отдать должное господину Бочкареву. Он сразу понял, что обнародование подобной информации нанесет серьезный удар по престижу клуба и лично его репутации. Поэтому Лев Евгеньевич попросил меня никому об этом не сообщать и забрал результаты экспертизы, чтобы самому все проверить.

– Что было потом?

– Ничего. Слава богу, что никаких подобных срывов больше не происходило. Но вы знаете, что у нас скоро состоится очень важный матч на право играть в Лиге чемпионов – ведь у России сейчас два клуба напрямую попадают в это соревнование, а третий клуб должен пройти через отборочную стадию, и у нас должны состояться два матча с голландским «Фейеноордом», достаточно сильным соперником, когда присутствие первого голкипера будет просто необходимо.

– И вы опасаетесь, что такой срыв может повториться? – понял Дронго.

– Очень опасаясь. В подобном случае мы просто вылетим уже на этой стадии соревнования.

– Когда должен состояться первый матч?

– Через неделю. Как только мы вернемся отсюда в Санкт-Петербург. Нам очень важно не пропустить в первом матче, чтобы иметь неплохой задел на вторую игру. И от Коли Епифанцева очень многое зависит. Игроки должны быть уверены, что в воротах стоит достаточно надежный голкипер, иначе мы просто не пройдем такую команду, как «Фейеноорд».

– Я вас понимаю, – кивнул Дронго. – Чем именно я могу вам помочь?

– Я уже сказал вам, что в раздевалку нашей команды никто из посторонних войти не мог. Значит, лекарство Епифанцеву положили как раз перед игрой. И сделал это кто-то из наших, как ни прискорбно мне об этом сообщать. Его, наверное, нетрудно будет вычислить, ведь круг подозреваемых очень четко очерчен.

– И вы хотите, чтобы я попытался это сделать?

– Конечно. Чтобы гарантировать исключение подобной ситуации в предстоящих играх с «Фейеноордом».

– А ваш президент об этом не думает?

– Думает, конечно. Он нанял частного детектива, который работал в нашей команде все последнее время, вызывая смех своими постоянными придирками и подозрительными вопро-

сами. Но детектив ничего не обнаружил. Правда, с тех пор у нас из команды ушли два прежних игрока.

– А где сейчас ваш детектив?

– Он тоже прилетел вместе с командой. Но боюсь, что полагаться на него достаточно проблематично. Если он ничего не обнаружил почти за два месяца, то вряд ли сможет что-либо сделать за одну оставшуюся неделю или предотвратить подобное повторение случившегося.

– У вас нет камер наблюдения в раздевалке?

– Есть, и я их лично просматривал, но там невозможно ничего увидеть, вечная сутолока, все мелькают в разные стороны.

– Понятно. Как зовут вашего частного детектива?

– Скульский. Борис Андреевич Скульский. Он раньше работал в органах прокуратуры. Ему уже за пятьдесят. Может, вы обратили внимание, такой невысокий лысоватый мужчина сидел за нашими столами...

– Я не смотрел в вашу сторону, – признался Дронго.

– Вот именно господин Скульский и является частным детективом, который должен не допустить повторения случившегося. Но у нас есть еще и начальник службы безопасности клуба. Роберт Чаржов, он, кажется, из Чувашии. Я правильно назвал эту область?

– Это автономная республика, – поправил его Дронго, – но назвали правильно. Он тоже прилетел с вами?

– Конечно. Он и еще несколько сотрудников службы безопасности, которые всегда сопровождают нашу команду на сборах. После того случая господин Бочкарев усилил нашу охрану, хотя я понимаю, что в любом случае угроза не внешняя, а внутренняя.

– Сколько человек прилетели вместе с вами?

– Тридцать восемь. Врач, массажисты, мои помощники, специалист по питанию, по физической подготовке, администратор, руководство клуба, охранники. Лев Евгеньевич обычно летает вместе с нами на все сборы. Он тоже прилетел вместе с нами, но живет со своей супругой на отдельной вилле рядом с основным зданием.

– Среди прибывших есть посторонние?

– Никого.

– Кто заменял Епифанцева в воротах?

– В первый раз в матче с ЦСКА в воротах стоял наш второй голкипер, Игорь Третьяков. Очень перспективный молодой человек из Тамбова, но опыта пока явно не хватает. Ему только двадцать три года, для вратаря слишком молодой возраст. Голкиперы обычно набирают форму к тридцати годам, в отличие от футболистов основного состава, пик формы которых приходится на двадцать четыре – двадцать пять лет.

– А в матче с «Зенитом»?

– Наш третий вратарь, Руслан Гумаров. Он перешел к нам из команды Нальчика. Двадцать семь лет. Неплохой вратарь, но нестабильный. Ни один из них, конечно, не может сравниться с Епифанцевым – ни Третьяков, ни Гумаров. В качестве запасных голкиперов они выглядят очень неплохо, но на решающие игры я бы предпочел ставить всегда Епифанцева.

– Понятно. В команде много иностранцев?

– Шестеро. Двое бразильцев, один из Грузии, один из Польши, пятый с Украины и шестой из Германии. Это наш защитник Берндт Кирхгоф, который, несмотря на возраст – ему уже тридцать два, – хорошо цементирует нашу оборону.

– А ваши помощники? Может, кто-то из них ревнует к вашему положению?

– В каком смысле ревнует? – не понял немец. – Я получаю деньги по контракту, который мы заключили с господином Бочкаревым.

– Понимаю, что это закрытая информация. Но я просто хочу объяснить вам разницу. И если вы пришли с этим ко мне, то должны довериться...

– Разумеется. Мой контракт подписан на два миллиона евро.

– А ваши помощники? Сколько получают другие два тренера?

– Теперь я понимаю смысл ваших вопросов, – немного смущенно признался Веземан. – У нас в Германии никогда не спросили бы подобное. Понятно, что старший тренер всегда получает гораздо больше остальных. У нас это считается в порядке вещей, и никто никому не завидует и не ревнует; каждый получает за свой конкретный труд и вклад в победы команды. А вы считаете, что они мне завидуют? Но они тоже работают по контрактам.

– И сколько они получают?

– Насколько я знаю, один получает двести тысяч евро в год, а другой – сто двадцать.

– То есть один получает в десять раз меньше вас, а второй – почти в двадцать. Очень веские основания, чтобы попытаться сместить вас после возможных неудач клуба и устроиться на ваше место.

– Как теория идеально подходит, но на практике – вряд ли, – поморщился Веземан. – Мой первый помощник – Сергей Чирко, бывший футболист нашего клуба, очень хороший специалист, который давно мог бы работать главным тренером в любой команде высшей лиги. Но он предпочитает оставаться в нашем клубе. Заодно помогает мне общаться с футболистами: он хорошо говорит по-английски и по-немецки, хотя многие наши футболисты понимают английский. Второй помощник – Наим Айдамиров, из Дагестана. Но он специалист по физической подготовке футболистов, бывший чемпион Дагестана по вольной борьбе. Не думаю, что они могли быть заинтересованы в моих неудачах, чтобы отстранить меня и занять мое место.

– Я уже понял, что в вашем коллективе подобались исключительно порядочные и хорошие люди. Тогда кто именно дважды травил вашего основного вратаря?

– Вот поэтому я и пришел к вам. У меня на подозрении никого нет; мне даже в голову не приходит, кто может быть заинтересован в моих провалах. Ведь это провалы всего нашего клуба, а все, кто работает с нами, очень заинтересованы в успехах клуба.

– Теперь все ясно, – кивнул Дронго. – Интересная просьба. Но для того, чтобы попытаться понять, что именно у вас происходит, мне нужно ближе познакомиться с вашей командой.

– Согласен, – сказал Веземан. – Завтра в одиннадцать мы выезжаем на тренировку. Футбольное поле местного клуба находится в нескольких километрах от отеля. Если не возражаете, завтра я представлю вас как моего близкого и давнего друга.

– Можете даже сказать, что я – эксперт ООН. Люди обычно не связывают тяжкие преступления с работой ООН, и многие не знают, что там есть специальный комитет по проблемам преступности.

– Хорошо, я так и скажу. Большое спасибо, господин Дронго, что вы согласились мне помочь. Если удастся понять, что именно происходит в нашей команде, мы сможем хотя бы уберечь нашего голкипера от подобных отравлений. Боюсь, что в третий раз все может быть очень серьезно.

Дронго задумчиво кивнул. Ему не хотелось говорить гостю, что, слушая его, он постоянно вспоминал о молодой женщине, которую видел сегодня в ресторане за ужином, и, несмотря на достаточно серьезный разговор, ее образ все время стоял перед ним. Ни он, ни его гость еще не могли знать, что именно случится в команде уже через два дня, когда здесь произойдет первое убийство.

Глава 3

Утром за завтраком он сидел за столиком и напряженно ждал, когда появится Рэчел Блэксли со своим другом. К девяти часам утра в ресторан пришла команда Веземана, которая расположилась за несколькими столиками, выставленными в ряд. Веземан помахал рукой Дронго. На часах было уже пятнадцать минут одиннадцатого – а в половине одиннадцатого ресторан закрывался, – когда появилась Рэчел, одетая в белые шорты и светлую майку. У нее были красивые ноги, на которые невозможно было не обратить внимания, и среди футболистов раздались одобрительные выкрики. Она, улыбаясь, прошла мимо и уселась за соседний от Дронго столик, попросив принести ей чашку кофе с молоком. На завтрак Рэчел выбрала один круассан и несколько ломтиков сыра, а также салат из свежих фруктов. Ее друг так и не появился. Веземан и его команда вскоре дружно поднялись и ушли; в ресторане остались лишь редкие посетители, среди которых был и Дронго. По утрам он обычно появлялся, одетый в длинные шорты и теннисную майку навыпуск. Сидя за своим столом, он следил за Рэчел, все больше поражаясь, насколько она была похожа на его бывшую знакомую. Она, конечно, моложе Натали и, наверное, немного выше ростом. Но сходство поразительное, словно они родные сестры или мать с дочерью. Натали могла бы быть ее матерью, неожиданно подумал Дронго с какой-то непонятной грустью.

Молодая женщина пила свой кофе, сидя под тентом, поэтому сняла темные очки и положила их на столик. Дронго еще раз посмотрел в ее сторону. Интересно, нет ли у нее родственников в Америке, подумал он. Она наконец поднялась и пошла к выходу. Ее друг так и не появился за завтраком. Дронго провожал ее долгим взглядом и вдруг услышал, как подошедший официант очень тихо спросил:

– Вы закончили завтракать или вам еще что-нибудь принести?

– Нет, – очнувшись, ответил Дронго, – спасибо. Больше ничего не нужно. У вас очень хорошее обслуживание.

Он тоже поднялся и вышел. Команда футболистов уже собиралась возле большого автобуса, готовясь отправиться на тренировку. Веземан подошел к Дронго.

– Я рассказал про наш вчерашний разговор Льву Евгеньевичу, – признался тренер, – и он поддержал меня. Даже заинтересовался. Хочет встретиться с вами. Обещал приехать на нашу тренировку.

– Остальные здесь?

– Не все, но основная часть здесь. Те, кто обычно входит в раздевалку. Основной и запасной составы, тренеры, массажисты, врач, сотрудники службы безопасности. Они все поедут с нами. Тридцать два человека вместе со мной.

– Себя вы тоже подозреваете? – усмехнулся Дронго.

– Нет, – улыбнулся в ответ Веземан, – себя я не подозреваю. Значит, остается тридцать один подозреваемый.

– Тридцать, – упрямо поправил его Дронго, – самого Епифанцева, наверное, тоже можно исключить.

– Да, – согласился тренер, – вы правы. Нужно быть полным идиотом, чтобы травить себя перед решающими матчами. Следовательно, остается тридцать человек. Двое моих помощников – наши тренеры Чирко и Айдамиров, о которых я вам говорил, затем Скульский и Чаржов, отвечающие за нашу безопасность, врач, двое массажистов, трое охранников и двадцать человек команды.

– Охранники могут входить в раздевалку клуба перед игрой?

– Нет, никогда. Чаржов и Скульский могут, а рядовые охранники нет. Ни при каких обстоятельствах.

– Значит, уже двадцать семь, – удовлетворенно заметил Дронго, – список сокращается. Но вы говорили, что прибыло тридцать восемь человек. С нами в автобусе поедут тридцать два. Получается, что шестеро не едут. Насколько я понял, господин Бочкарев прибыл сюда со своей супругой. Значит, двоих можно исключить. Кто остальные четверо, которые не поедут на тренировку?

– Наш пресс-секретарь Феликс Олегов. Затем помощник Бочкарева Марина Фарбер; она владеет тремя иностранными языками и помогает с переводами в случае необходимости. Хотя Олег тоже владеет двумя иностранными – английским и французским. Еще специалист по питанию Денис Петрович Григурко и администратор команды Михаил Арташесович Бабаян. Вот, собственно, и все.

– Они не едут на тренировку, – повторил Дронго, запоминая имена, – но в раздевалку перед игрой они могут входить?

– Могут, но обычно не входят. Григурко вообще занят только кухней, Марина никогда не спускается в раздевалку, чтобы не смущать наших ребят, Феликс, правда, чаще появляется в раздевалке, а вот Михаил Арташесович бывает редко. Кстати, в первый раз он не был с нами в Москве, а во второй раз болел, поэтому я исключил его из числа подозреваемых.

– Тогда все правильно, – согласился Дронго. – Только у меня последний вопрос: почему двадцать человек команды? Обычно в основном составе двадцать два или двадцать три футболиста.

– Теперь я вижу, что вы настоящий любитель футбола, – одобрительно проговорил Веземан. – Двое наших футболистов готовятся по индивидуальной программе и задействованы в своих сборных. Поляк и украинец. Вы знаете, что чемпионат Европы пройдет именно в этих двух странах, и их сборные, уже гарантировав свое участие в финальной стадии чемпионата, проводят товарищеские матчи.

– Но эти двое были в составе команды во время игры на выезде с ЦСКА и домашней игры с «Зенитом»?

– Конечно, – ответил Веземан, – они игроки основного состава.

– А если отравитель кто-то из этих двоих?

– Не знаю, – помрачнел тренер, – мне трудно судить. Я привык доверять людям. Вся команда – не только игроки и запасные, но и вообще вся команда – должна быть как единый отлаженный механизм, нацеленный на победу. Каждый должен вносить свой вклад в общую победу. А когда кто-то устраивает такие «фокусы», я не понимаю, почему он остается играть за нашу команду. Этот человек – явный враг, который желает поражения собственному клубу. Как можно работать с такой психологией?

– Среди тех, кого вы назвали, у вас есть откровенные недоброжелатели или враги?

– Нет. Конечно, нет. Если бы я подобное даже почувствовал, то не стал бы работать с таким человеком и настоял бы на его увольнении. Вы понимаете, у нас в Германии очень четкое правило: старший тренер – главный человек в команде, отвечающий за результат, и все должно быть подчинено его интересам – тренировочный процесс, покупка новых игроков, продажа старых, условия жизни, игры. Если не будет диктата старшего тренера, не будет и результата. Это абсолютно закономерный процесс. Мне платят деньги, чтобы я добивался результата, а не проваливал основные матчи. И если я почувствую, что в команде появился человек, мешающий мне работать, он не останется здесь даже одной лишней минуты, в этом вы можете быть уверены.

«Он абсолютно прав», – подумал Дронго, поднимаясь вместе с Веземаном в салон автобуса и устраиваясь на первых сиденьях. Высокий, коротко остриженный мужчина с запоминающимся колючим взглядом подошел к ним и выразительно посмотрел на Дронго.

– Он поедет с нами, – быстро сказал по-английски Веземан.

– По правилам безопасности в наш автобус не может входить посторонний, – напомнил Чаржов. По-английски он говорил с очень сильным акцентом.

– Мне он нужен для работы, – пояснил Веземан, – я беру его под свою ответственность. Не беспокойтесь, Роберт, все нормально.

– Все равно мы должны его проверить, – не успокаивался Чаржов.

– Я же вам сказал, что это мой знакомый, – уже начал злиться Веземан. – И господин Бочкарев дал мне на это разрешение, – подчеркнул он.

Дронго, понимая, что эта ссора может привлечь ненужное внимание остальных игроков, быстро поднялся со своего места.

– Господин Чаржов, – сказал он по-русски, обращаясь к руководителю службы безопасности, – вы абсолютно правы. Пожалуйста, общитесь со мной, прежде чем я останусь в салоне автобуса. Правила безопасности должны неукоснительно выполняться всеми без исключения.

– Спасибо, – кивнул Чаржов и подозвал к себе одного из сотрудников службы безопасности, который проверил карманы гостя специальным металлоискателем.

– Вы убедились, что это не террорист? – саркастически поинтересовался Веземан.

– Простите, господин Веземан, но у меня строгий приказ президента клуба, – пояснил Чаржов, – и мы не имеем права рисковать.

Веземан ничего не ответил, а Дронго уселся рядом с ним и тихо произнес:

– Он прав, было бы неправильно, если бы он разрешил мне остаться в автобусе без соответствующей проверки.

– Это все работа на публику, – нервно ответил Веземан, – а от реальной угрозы они нас не уберегли. Если он такой хороший специалист, пусть тогда объяснит мне, кому и для чего понадобилось дважды травить нашего вратаря. Кстати, вот он сейчас садится в автобус.

Епифанцев был высокого роста, красивый, светлоглазый, с длинными руками, что для голкипера, очевидно, очень важно. Проходя в салон, он весело кивнул Веземану и его спутнику.

– Прекрасный вратарь, – вздохнул Веземан. – Хорошо, что на нем не сказались последствия этих двух отравлений. С каждым годом он играет все лучше и лучше. Думаю, что скоро в сборной России он станет первым голкипером. Если, конечно, его не попытаются отравить в третий раз. Тем более что у сборной будут две важные игры уже в следующем месяце.

«Существует несколько возможных версий случившегося отравления, – подумал Дронго. – Первая версия: эти отравления направлены против самого Епифанцева. Кто-то метит на его место в команде или пытается таким образом устранить конкурента. В этом случае подозревать следует обоих запасных голкиперов. Вторая версия: кто-то задумал таким образом устранить старшего тренера, обвинив его в проигрышах команды. В этом случае число подозреваемых может вырасти. И не только очевидные претенденты на его место, но и неочевидные тоже. Есть еще и третья версия: кому-то выгодны поражения клуба. Возможно, это конкуренты или соперники из того же «Зенита». Хотя подобной план очень опасен, в случае, если обнаружат отравителя, организаторы подобного отравления могут даже отправиться за решетку».

Автобус тронулся с места, и Веземан, поднимаясь из кресла, взял микрофон. Сидевший на втором сиденье мужчина лет сорока пяти тоже поднялся. Очевидно, это был бывший футболист Сергей Чирко. Веземан обратился к команде на английском:

– Сегодня тренировка будет до часа дня. Хочу представить вам моего друга, эксперта из специальной комиссии Организации Объединенных Наций господина Дронго. Он будет несколько дней с нашей командой. Прошу всех помогать ему и отвечать на все его вопросы. Он готовит специальный материал для отчета о работе футбольных команд, – добавил тренер.

Чирко перевел его слова на русский язык, и футболисты дружно закивали. Дронго поднялся, чтобы его лучше видели.

– Через неделю у нас важная игра с «Фейеноордом», – напомнил Веземан, – я надеюсь, что все понимают необходимость нашей победы по итогам двух встреч и нашего участия в Лиге чемпионов. От того, насколько мы будем успешно трудиться в течение оставшейся недели, зависит и наша спортивная форма в первом матче против голландцев.

Чирко перевел и эти слова. Веземан снова сел рядом с Дронго и повернулся к нему лицом:

– Я все сказал правильно?

– Абсолютно, – кивнул Дронго, – и не придерешься. Только я думаю, что вам нужно было заранее предупредить Чаржова, чтобы он не нервничал.

– Наверное, вы правы, – согласился Веземан. – Сегодня перед обедом я ему обо всем расскажу. Надеюсь, он не будет возражать. Хотя его коллега Скульский и вся наша служба безопасности все еще не добились никаких результатов, – в сердцах вырвалось у него.

– Мне понадобится подробный список всех, кто прилетел с вами, – попросил Дронго. – Желательно отметить тех, кто мог оказаться в раздевалке в обоих случаях, когда ваш вратарь почувствовал себя плохо.

– Сделаю, – кивнул Веземан, – сегодня часам к шести. Вы сможете зайти ко мне в номер. Или лучше мне принести вам этот список?

– Я найду сам, – решил Дронго. – Только пусть это будет подробный список, с указанием имен и возраста всех прибывших.

– Обязательно, – кивнул тренер. – Вы считаете, что можно вычислить этого отравителя?

– Не по списку, конечно, – улыбнулся Дронго, – но я таким образом хотя бы познакомлюсь со всеми подозреваемыми.

– Может, тогда лучше дать вам диск с членами нашей команды и добавить туда нескольких прибывших с нами людей? – предложил Веземан. – Там все указано гораздо более подробно.

– Так и сделаем, – решил Дронго, – я найду к вам и возьму диск.

Через несколько минут они прибыли на место. Футболисты, обмениваясь шутками, выходили из салона автобуса. Погода была прекрасная, около тридцати градусов по Цельсию, но чувствовалась некоторая прохлада, с моря дул легкий южный бриз. Кто-то осторожно дотронулся до плеча Дронго, и он обернулся. Перед ним стоял невысокий лысоватый мужчина лет пятидесяти пяти в серой майке и джинсах, с довольной улыбкой на лице.

– Здравствуйте, господин эксперт, – почти пропел Скульский, – как я рад вас видеть.

Дронго пожал маленькую руку. По описанию Веземана он сразу узнал частного детектива.

– Я даже не поверил, когда услышал вашу знаменитую на весь мир кличку Дронго, – признался Скульский, – ведь многие до сих пор не знают вашего настоящего имени.

– Разве мы знакомы? – удивился Дронго.

– Лично незнакомы, но я много слышал про вас, когда работал в московской прокуратуре, – сообщил Скульский. – Последнее ваше дело об уральском маньяке Баратове, которого вы сумели дважды вычислить и арестовать, было известно по всей стране.

– Во второй раз его не арестовали, – возразил Дронго, – он покончил с собой.

– Тем не менее именно вы его и вычислили, – напомнил Скульский. – Да и все остальные ваши расследования достаточно широко известны и в органах прокуратуры, и в органах ФСБ.

– Спасибо, – кивнул Дронго, – я не думал, что настолько популярен.

– Не прибедняйтесь, – усмехнулся Скульский. – И сюда вы наверняка пожаловали, чтобы вычислить неизвестного нам отравителя. Только не говорите, что готовите какой-то мифический отчет для Организации Объединенных Наций. Я все равно вам не поверю. Это сказки для футболистов. Когда такой специалист по расследованию тяжких преступлений появляется здесь, это не может быть случайным.

Дронго ничего не ответил. Ему не хотелось возражать, судя по всему, Скульский знал слишком много, и не хотелось выглядеть глупо.

– По-настоящему должен обидеться только один человек в нашем автобусе, – продолжал Скульский, – и этот человек – я. Ведь именно меня пригласил господин Бочкарев для розыска неизвестного отравителя. И именно я должен найти этого неизвестного предателя в рядах команды. И тут появляетесь вы. По вашему общению с этим суровым немцем, из которого невозможно выжать и пару лишних фраз, видно, что вы с ним достаточно давно и близко знакомы. Наверняка он вас и пригласил. Правда, я не уверен, что это понравится господину Бочкареву, но, очевидно, у герра Веземана есть свои причины так поступать. Наверное, ему не понравилось мое расследование, и он решил пригласить своего знакомого эксперта. Только не опровергайте мою версию, она так убедительно звучит.

Скульский был болтуном, не годившимся для роли частного детектива. Возможно, в качестве прокурора он работал достаточно неплохо. Был внимательным, опытным, дисциплинированным, в меру коммуникабельным и общительным. Но в качестве частного эксперта он явно не на своем месте и отчетливо понимает, что не может найти виновника обоих отравлений. В прокуратуре он был всего лишь фиксатором событий и добросовестным сотрудником, не хватал звезд с неба, но за двадцать восемь лет работы в прокуратуре умудрился дослужиться до государственного советника третьего класса, что означало генеральское звание, которое производило впечатление на его клиентов и потенциальных заказчиков.

Увидев Дронго, Скульский даже обрадовался, что теперь можно будет свалить возможную неудачу на другого эксперта или хотя бы разделить с ним общую ответственность. Поэтому он был так добродушен и разговорчив.

– И вам ничего не удалось узнать? – спросил Дронго.

– Ничего, кроме того, что у Руслана Гумарова двоюродный брат сидит в тюрьме, – пояснил детектив.

– Я не понял, какое отношение двоюродный брат запасного вратаря имеет к отравлениям Епифанцева?

– Нужно было проверить обоих вратарей, которые могут считать Епифанцева главным конкурентом, – пояснил Скульский. – У Третьякова, например, все нормально. Рабочая семья, отец рано умер, мать воспитывала четверых парней, он в семье младший. Все братья уже женаты, работают на комбинате, где трудился их отец. Только Игорь сумел выбраться из своего захолустья в Москву. Конечно, он мечтает стать первым вратарем, но пока еще очень молод и может подождать. Хотя меня немного насторожила его связь с некоей Лилией Шелест. Она работает в шоу-бизнесе, танцует в коллективе у известного певца... – Он назвал имя действительно популярного российского исполнителя. – Мне лично не совсем нравится эта связь, у девочки были проблемы с наркотиками...

– Вы пошли привычным «прокурорским путем», – понял Дронго, – решили таким образом проверить двух подозреваемых кандидатов. Двоих вратарей?

– Конечно, – кивнул Скульский. – А как бы вы поступили на моем месте?

– Не думаю, что его знакомая имеет отношение к травле Епифанцева, – заключил Дронго. – Но все равно вы проделали большую работу. А у Гумарова, значит, брат сидит в тюрьме, и вы думаете, что он оттуда послал сигнал своему родственнику отравить основного вратаря?

– Не нужно острить, – нахмурился Скульский, – его брата обвинили в участии в подпольных бандформированиях. А там может быть все, что угодно. Может, зная, что «Динамо» – это бывшее милицейское общество, к тому же финансируемое частично исполнительной властью Санкт-Петербурга, они таким образом задумали дискредитировать саму команду.

– Гениальное предположение, – не выдержал Дронго. – И запустили в качестве засланного казачка вратаря Руслана Гумарова, заставив его играть лучше остальных в своем Нальчике...

– Вы все время смеетесь, – обиделся Скульский. – А я пытаюсь понять, кому и зачем понадобилось травить Колю Епифанцева, и выйти на этого отравителя. Или вы думаете, что вам удастся за один день сразу его найти? Так бывает только в придуманных детективах. Пришел Шерлок Холмс – и сразу определил, кто именно отравитель... Или кто там другой? Геркюль Пуаро?

– Эркюль, – поправил его Дронго.

– Какая разница? Все равно они выдуманные персонажи из книг, а в реальной жизни так не бывает, – убежденно произнес Скульский.

– Они более реальны, чем многие живые, – возразил Дронго. – Они помогают людям жить и верить в торжество справедливости. Поэтому эти герои гораздо реальнее многих живущих в этом мире.

– Это бесполезный спор, – отмахнулся Скульский. – Мне очень интересно узнать, что именно вы можете предложить и с чего собираетесь начать. Если хотите поговорить с игроками, то это пустое – я уже беседовал с каждым по два раза. Никто и ничего не заметил. Они считают, что их вратарь просто дважды отравился, поев некачественных грибов, которые он так любит, о чем знает вся команда. А меня здесь принимали немного за придурковатого частного детектива, который пристает с непонятными расспросами.

– Может, кто-то хочет подставить Веземана? – предположил Дронго. – Эту версию вы не рассматривали?

– Конечно, я об этом думал, – согласился Скульский, – ведь отсутствие Епифанцева сказалось на игре команды в обоих случаях. Возможно, кто-то пытается убрать старшего тренера. И в этом случае главные подозрения падают на Сергея Чирко, который мог бы заменить Веземана на его посту. Но все мои расспросы наталкиваются на стену непонимания. Любой мой вопрос Чирко воспринимает как личное оскорбление. Я даже пожаловался Бочкареву, но он посоветовал мне оставить в покое второго тренера, что я и сделал. В конце концов это нужно больше Бочкареву, чем всем остальным. И именно он нанял меня для проведения этого расследования.

– У Айдамирова вы не нашли родственников в тюрьме? – поинтересовался Дронго.

– У него в семье все спортсмены, – ответил Скульский, – зэка пока не нашел. Но хочу вам сказать, что вы напрасно все время шутите и пытаетесь сделать вид, что можете найти отравителя. Все не так просто, уважаемый господин Дронго. И я почти уверен, что это именно то расследование, где ваш опыт и навыки никак не помогут найти виновника.

Он не успел договорить, так как недалеко от них остановился подъехавший «Мерседес», из которого вышли довольно плотный мужчина лет сорока пяти и молодая брюнетка в элегантном сером костюме-двойке, она была выше своего спутника на целую голову. Брюнетка показала в сторону стоявших на краю поля Скульского и Дронго.

– Вот и наш хозяин приехал, – криво усмехнулся Скульский. – Сейчас будет лично беседовать, чтобы определить размер вашего гонорара, если вы сумеете справиться с решением этой задачи.

Глава 4

Скульский поспешил навстречу приехавшим. Нужно отдать должное Веземану, увидев приехавшего президента клуба, он только кивнул в знак приветствия, продолжая тренировку. Исполнительный немец не стал бы прерывать ее, даже если рядом с полем появились бы президенты России, Германии и Турции одновременно. Он слишком любил и уважал футбол, чтобы отвлекаться от занятий. Скульский подобострастно приветствовал Бочкарева, а Дронго остался стоять на месте, ожидая, когда к нему подойдут. Бочкарев поздоровался со Скульским и направился в его сторону. Он был среднего роста, уже располневший, с немного выпученными глазами и вьющимися каштановыми волосами. Энергично пожал руку Дронго и представился. Вслед за ним руку протянула его помощница:

– Марина Фарбер.

Эксперт назвал свое настоящее имя, добавив, что обычно его называют Дронго.

– Мне говорил о вас Веземан, – кивнул Бочкарев, – он считает вас одним из лучших специалистов по проблемам преступности. Правда, у нас не совсем преступления, а скорее злостное хулиганство или нечто в этом роде. Но все равно неприятно...

– Дважды повторяющееся «злостное хулиганство» достаточно опасно, – заметил Дронго. – Оно может повториться и в третий раз, но уже с гораздо более серьезными последствиями. Безнаказанность порождает уверенность в собственной непогрешимости и толкает возможного преступника на повторение подобного преступления.

– Надеюсь, что этого не произойдет, – сказал Бочкарев. – Я все еще хочу верить, что это всего лишь дурацкое хулиганство кого-то из наших ребят. Если только вы действительно сумеете найти виновного, я немедленно выгоню его из команды, кто бы это ни был. Мне подобные «шутники» в команде не нужны.

– А если это сознательная акция по дискредитации вашего клуба или вашего тренера? – спросил Дронго.

Бочкареву не понравился его вопрос. Нахмурившись, он уверенно проговорил:

– В любом случае мы найдем этого «сознательного негодяя», а вы можете назвать сумму вашего гонорара, если сумеете найти его до предстоящей игры с «Фейеноордом». Хотя я почти уверен, что на этот раз ничего не произойдет. В раздевалке будут одновременно дежурить Чарзов и Скульский. И там установили две дополнительные камеры. Учитывая, что вы готовы оказать нам помощь, я полагаю, что такое количество людей на одного подлого шутника вполне достаточно. Остается только вычислить, кто именно это делает.

Скульский стоял в стороне, тактично не подходя к говорившим. Он услышал раздраженный голос президента клуба и понял, что тому не понравился эксперт, нанятый для расследования тренером.

– Мы знакомы с герром Веземаном много лет, – сообщил Дронго, – поэтому я согласился ему помочь. Если получится – хорошо. Если нет – значит, мне не повезло. Возможно, вы правы. Даже если этот отравитель находится в команде, он не рискнет повторить нечто подобное, когда здесь столько сотрудников охраны и частный эксперт господин Скульский.

– Надеюсь, что не рискнет, – кивнул Бочкарев, – но в любом случае назовите сумму вашего гонорара.

– Я не привык получать деньги за работу, которую пока не сделал, – отрезал Дронго, – надеюсь, что мои услуги вам не понадобятся. – Ему совсем не понравился тон президента клуба, считавшего, что так можно разговаривать с любым человеком.

– Как вам угодно, – удивился Бочкарев. – Веземан вас очень хвалил, и я готов оплачивать вашу работу. – Махнув рукой, чтобы его не провожали, он повернулся и пошел к Веземану.

Марина Фарбер осталась на месте, лицо ее ничего не выражало. Затем она повернула голову и тихо спросила:

– Вы тот самый известный эксперт, о котором рассказывают столько разных историй?

– Не знаю, насколько известный, но надеюсь, что истории эти только с хорошим концом, – пошутил Дронго.

– Не всегда, – возразила Марина, – я слышала, что иногда у вас бывают и ошибки...

– Не совсем понимаю, о чем именно вы говорите, – удивленно взглянув на молодую женщину, произнес Дронго.

– Моя подруга с телевидения рассказывала мне о ваших подвигах...

– Тогда понятно, – усмехнулся он. – Вы – знакомая Эммы?

Дронго несколько раз встречался с этой журналисткой во время поисков опасного маньяка.

– Да, – ответила Марина, посмотрев на него в упор, – мы близкие подруги.

У нее были странные глаза – серовато-зеленые, когда трудно определить, какого именно они цвета. Очевидно, Эмма рассказывала не только о поисках преступника, но и о своих личных встречах.

– Ошибки могут быть у любого человека, – согласился Дронго. – Но надеюсь, что в вашей команде нет подобного опасного маньяка, с которым пришлось столкнуться нам с Эммой.

– Я тоже надеюсь, – сказала она, – но никто не может влезть в душу чужого человека. А зависть и соперничество еще никто не отменял, тем более у футболистов, которые получают такие деньги...

– А какая у вас зарплата? – неожиданно поинтересовался Дронго.

Марина не смутилась, только еще раз взглянула на него своими глазами, цвет которых все время неуловимо менялся, и спросила:

– Вам не говорили, что подобные вопросы являются некорректными?

– Говорили. Но я спрашиваю не для праздного любопытства, – ответил Дронго. Естественно, он не сказал ей, как важны для него реакция женщины на вопрос, ее поведение, ее выдержка, ее ответ.

– Достаточно большая, – ответила она, – но, конечно, не такая, как у футболистов, я ведь не звезда мирового футбола.

К ним подошел Скульский, и они видели, как Бочкарев разговаривает с Веземаном. Стоявший рядом Чирко помогал президенту клуба общаться со старшим тренером.

– У нашего шефа, кажется, сегодня нормальное настроение, Мариночка, – обратился Скульский к Фарбер.

– Как обычно, – пожалала она плечами. – Мы ведь скоро возвращаемся в Санкт-Петербург.

– И покидаете команду?

– Да. У Льва Евгеньевича там важная встреча, поэтому мы уедем на два дня раньше, – пояснила Марина.

– Жаль, – вздохнул Скульский. – Вы всегда как луч света в темном царстве. Единственная женщина среди прибывших атлетов...

– Не единственная, – возразила Марина, – есть еще Эмилия Максимовна, которая прилетела со своим мужем. – Она говорила о жене Бочкарева.

– Жена Цезаря, – отмахнувшись, со смехом проговорил Скульский, – она вне команды. Слишком высоко парит на Олимпе.

Марина взглянула на него с некоторым презрением и пошла навстречу Бочкареву. Тот уже подозвал к себе Епифанцева и о чем-то спрашивал его.

– Типичная стерва, – чуть слышно пробормотал Скульский, – любовница Бочкарева, поэтому и ведет себя так нагло. И все об этом знают. Удивляюсь, что он взял с собой жену, обычно его сопровождает эта наглая девица.

– Сколько лет его супруге?

– Около сорока, – ответил Скульский, – это его вторая жена. А Марине не больше тридцати. К тому же вполне законный повод возить ее с собой – она ведь считается его помощником, хотя в футболе почти ничего не понимает. Все пояснения обычно дают Чирко, или сам Веземан, или наш пресс-секретарь Феликс Олегов. А Мариночка служит приятным антуражем для любой пресс-конференции и повсюду сопровождает нашего большого босса.

– Вашего босса, – поправил его Дронго, – кажется, я ему не очень понравился.

– Это ничего не значит, – заметил Скульский. – Бочкарев абсолютный прагматик. Если даже ему не нравится какой-то игрок в команде, он никогда не будет возражать против него, если этот игрок нужен тренеру. Он бизнесмен, следовательно, «ничего личного», все во имя бизнеса. А футбольный клуб – это его любимое детище, поэтому он заплатит деньги и мне, и вам, и еще кому угодно, лишь бы гарантировать невозможность подобных инцидентов с его вратарем.

– А супруга Бочкарева в курсе о возможной связи ее мужа с Мариной? – поинтересовался Дронго.

– Полагаю, что догадывается, – усмехнулся Скульский, – хотя, наверное, терпит, как и все умные жены. В конце концов, что еще нужно? Дети устроены, сама в полном порядке, любые желания исполняются, муж – один из самых богатых людей Санкт-Петербурга. От добра добра не ищут, вот она и закрывает глаза на его увлечения. Марина замужняя женщина, муж работает актером в санкт-петербургском театре. Можно спокойно сидеть и ничего не бояться, ведь Марина не сможет отбить Бочкарева. Для этого ей нужно сначала развестись со своим мужем-актером. Значит, все в порядке.

– Кажется, вы действительно досконально изучили всех членов команды и сопровождающих лиц, – признал Дронго, – и знаете почти о каждом гораздо больше, чем любой из этой компании.

– Но это не помогло мне найти отравителя, – напомнил Скульский, – я не смог даже близко к нему подобраться. Вот если он захочет рискнуть в третий раз...

– Будете ждать, пока он попробует еще кого-то отравить?

– Не думаю. Я согласен с Бочкаревым. Отравитель тоже не дурак, он ведь понимает, зачем я все время нахожусь с командой, – немного самоуверенно произнес Скульский.

Бочкарев попрощался с вратарем и тренером, пожал руку кому-то из игроков и направился к машине. Марина шла рядом.

– С кем он попрощался? – спросил Дронго.

– Капитан команды Константин Гаврилов, полузащитник. Говорят, что он самый опытный в команде. Ему уже далеко за тридцать, но играет также самоотверженно, как в молодости. Воспитанник местной школы. Всю жизнь в одном клубе, хотя были предложения из других команд, даже из зарубежных. Похвальная верность родному клубу.

– Ясно. – Дронго взглянул на Скульского. – У меня к вам последний вопрос, Борис Андреевич. Почему вы так похвально откровенны со мной? Ведь я тоже ваш своеобразный конкурент? Кажется, в таких случаях не делятся полученной информацией.

– У нас не тот случай, – радостно пояснил Скульский, – дело в том, что в моем контракте предусмотрена оплата за работу независимо от результата. Но там прописано, что, если я найду отравителя, сумма моего гонорара будет удвоена. И при этом я имею право прибегать к помощи и советам любых третьих лиц. Значит, если вы сумеете найти возможного преступника, мой гонорар мне все равно выплатят независимо ни от чего. Поэтому на ближайшие несколько дней, пока мы находимся в Турции, я ваш самый горячий единомышленник и друг и более всех заинтересованный в успехе вашей миссии. Ведь и в этом случае мой гонорар будет выплачен.

– А вы еще говорили, что Бочкарев хороший бизнесмен... – напомнил Дронго. – Вы тоже умеете составлять договора.

– Жизнь заставила, – вздохнул Скульский, – время такое гнусное. Сначала думаешь о гонораре и юридически безупречном договоре, а уже потом о самом деле. Мы все вышли из Советского Союза, когда ценились совсем другие качества – профессионализм, честность, верность долгу, самопожертвование, бескорытность, альтруизм, трудолюбие, в общем, все, что угодно, кроме наживы. А сейчас если ты не можешь заработать достаточно денег – значит, ты неудачник по жизни, просто не сумевший приспособиться к новым реалиям. Другое время – другие приоритеты, – цинично добавил он.

– И с таким мышлением вы работали столько лет в прокуратуре? – покачал головой Дронго.

– Работал. Только я пришел туда молодым комсомольцем еще в конце семидесятых, тогда были другие времена. А потом, в девяносто первом, все рухнуло. И нам объяснили, что верить в идеалы глупо, быть бескорыстным означает остаться в полных дураках, а отказываться от возможности заработать – значит просто не соответствовать новым условиям жизни.

– И вы стали приспосабливаться? – не скрывая иронии, уточнил Дронго.

– Не я, – ответил Скульский, – вся страна. Все сразу согласились, что нужно отбросить прежние романтические бредни и зарабатывать деньги.

– В том числе и в прокуратуре...

– В том числе и в прокуратуре, – кивнул Скульский. – Вы же профессиональный эксперт, господин Дронго, и прекрасно помните, что творилось у нас в девяностые годы. Правоохранительные органы просто взяли под свою опеку все криминальные и полукриминальные образования. И получали за это покровительство соответствующие отчисления.

– И вы считали такое положение дел нормальным?

– Видимо, не совсем, – признался Скульский, – иначе сейчас, выйдя на пенсию, не стал бы работать частным детективом. Я ведь сказал вам, что пришел в прокуратуру еще в те годы, когда мы верили в какие-то выдуманные идеалы. А перестроиться и стать откровенным хапугой было очень сложно. У меня не получилось, иначе я бы сейчас сидел где-нибудь на испанском или итальянском курорте и наслаждался жизнью на своей вилле. Мой бывший руководитель в прокуратуре после выхода на пенсию купил виллу на южном побережье Испании и переехал туда вместе со своей семьей. И все знали, откуда у него такие деньги. Он лично опекал два самых больших казино в городе. А я зарабатывал «по мелочам», все еще считая себя порядочным человеком...

– Жалеете сейчас? – усмехнулся Дронго.

– Да, жалею, – согласился Скульский. – Надоело заниматься всеми этими делишками. После работы в прокуратуре я должен опрашивать футболистов и искать возможного подонка, который травит своих товарищей... И еще выслушивать ценные указания Бочкарева, который двадцать лет назад был обычным фарцовщиком... Я бы такого даже на порог к себе не пустил, а сейчас получаю от него деньги. Но я не жалею, просто понимаю, что все изменилось. И даже немного горжусь тем, что сумел приспособиться, хотя бы и после выхода на пенсию.

– Ваши молодые коллеги по прокуратуре тоже так думали, – мрачно поинтересовался Дронго, – или еще остались нормальные люди? Неужели все так думают?

– Не все, – признался Скульский. – Еще встречаются романтики, обычные карьеристы или скрытые аферисты. Но в основном люди уже «перестроились». Помните, когда в восьмидесятые годы от советских людей требовали «перестроиться»? Вот мы успешно и сделали это за двадцать лет. Теперь все понимают, как нужно жить, чтобы после выхода на пенсию иметь возможность купить себе виллу на испанском побережье.

– Представляю, как вам сложно, когда вы вспоминаете своего начальника, – сказал Дронго. – Наверное, не можете себе простить, что были таким нерасторопным во время работы в прокуратуре.

– Уже перегорел, все давно закончилось. Что жалеть о том, чего нельзя изменить или вернуть? Теперь я уже не государственный советник юстиции третьего класса, а частный детектив, который следит за неверными женами, ищет возможных отравителей в футбольной команде и консультирует мелких лавочников на предмет безопасности их магазинов.

– Сложно, – поддержал его Дронго. – Но вы сами несколько раз сказали о необходимости перестраиваться.

– Только не в мои годы, – уныло произнес Скульский. – Вы ведь не работали на государственной службе после девяносто первого?

– Бог миловал...

– А я работал. Вот в этом вся принципиальная разница между нами. У меня была возможность стать более богатым человеком, но советское воспитание так крепко вбилося в мое сознание, что я не смог его сразу изменить.

– И вы жалеете, что остались порядочным человеком? – с легкой издевкой спросил Дронго.

– Иногда жалею, что не в полной мере пользовался своими возможностями, – достаточно честно признался Скульский.

Произнося эти слова, он словно сразу постарел на несколько лет. Дронго молчал. В подобных случаях лучше просто молчать.

Домой возвращались через полтора часа. Уставшие футболисты не переговаривались друг с другом, а Чаржов больше не возражал против присутствия в автобусе незнакомого человека. Он видел, как Дронго беседовал с Бочкаревым. В автобусе Чаржов обычно сидел рядом со Скульским. Устроившись на своем сиденье, он спросил у него:

– Пообщались?

– Да, – ответил Скульский, – и очень тесно.

– Думаете, он может помочь?

– Не знаю, – проговорил Скульский, – но он хотя бы верит в какие-то идеалы, в которые мы все давно не верим.

Глава 5

Во время обеда многие гости выбирали ресторан на берегу моря, находившийся в шаговой доступности между пляжем и большими бассейнами, которые сливались в одно общее водяное пространство, очерченное барами, деревянными мостами и многочисленными шезлонгами.

Дронго привычно переносил жару. Столбик термометра показывал около тридцати пяти градусов по Цельсию в тени, и для него это была достаточно комфортная погода. Выросший в южном приморском городе, он нормально переносил сорокоградусные температуры и большую влажность. Минусовая температура ввергала его в депрессию, а очень холодная погода просто замораживала его умственную деятельность. Очевидно, среди его предков были только выходцы из жарких стран.

Он вышел к бассейну, чтобы немного освежиться, в четвертом часу дня, когда парило уже не так сильно. В бассейнах купалось не так много людей, большинство предпочитали пройти лишние сто метров и оказаться на чудесном пляже с бархатным песком. Дронго обратил внимание на молодого человека в длинных, почти до колен, шортах, купавшегося в бассейне недалеко от него, и сразу узнал его. Милован Мешкович, тот самый, который жил по соседству с Рэчел Блэсли и ужинал с ней за одним столиком. Мешкович был примерно одного роста с Дронго, высокий, подтянутый, красивый, атлетически сложенный. Выходя из воды, он высоко поднимал руки, демонстрируя свой загорелый торс, как триумф всепобеждающей молодости. Ему было не больше тридцати.

Глядя на него, Дронго даже нахмурился. А затем неожиданно улыбнулся. «Так тебе и надо, – сказал он сам себе. – Никогда не думал, что буду завидовать молодым людям. Или завидую ему потому, что он друг молодой женщины, так похожей на Натали? Значит, это ревность или зависть. Как глупо и стыдно. Даже не предполагал, что у меня могут появиться столь низменные чувства. Конечно, торс уже не тот, да и вес гораздо больше. Но это и понятно, почти двадцать лет разницы. Хотя, надеюсь, в состязании интеллектов я мог бы победить за явным преимуществом. Но это слабое утешение всех пожилых людей. Стоп! Какой же я пожилой? Нормальный возраст мужчины средних лет. Но по сравнению с этим молодым сербом...»

Дронго еще раз посмотрел в сторону вытянувшегося на лежаке Мешковича. Проходившая мимо молодая женщина в купальнике улыбнулась молодому человеку, и он улыбнулся ей в ответ. «Как он смеет улыбаться чужим женщинам, – недовольно подумал Дронго, – имея рядом такую совершенную красавицу, как его подруга! Опять мои собственные комплексы, – поймал он себя на этой мысли и резко отвернулся. – Интересно, почему парень купается один, без своей подруги? И почему в бассейне, а не в море?»

Мимо прошли несколько футболистов, возвращавшихся с пляжа. Они о чем-то весело и громко говорили, перемешивая русские, английские и португальские слова. Среди них выделялись два темнокожих футболиста с характерной внешностью. Очевидно, это были бразильцы, выступающие за футбольный клуб Санкт-Петербурга. Судя по их настроению, им нравился этот солнечный берег и пляж, так напоминавший им собственную страну. Дронго проводил их долгим взглядом и поэтому не заметил, как появилась Рэчел. Она была в купальном костюме, вокруг бедер обмотано светло-фиолетовое парео. Очевидно, она вышла из отеля и направлялась к своему другу. Увидев подходящую женщину, Мешкович снял темные очки и приподнялся.

– Ты могла бы спуститься и немного быстрее, – сказал он недовольным голосом, – я жду уже около сорока минут.

Они говорили по-английски.

– Извини, – ответила Рэчел, – я задержалась из-за телефонного звонка. Мне нужно было поговорить с мамой, а она за рулем и не могла разговаривать. Пришлось немного подождать.

– Ты могла бы поговорить с ней и отсюда. Для этого есть мобильные телефоны, – еще более недовольным голосом заметил Милован.

– Я же тебе объяснила, что мне нужно было уточнить название этих лекарств, которые были у нее записаны дома, – пояснила Рэчел. – Мне все равно пришлось бы подождать, пока она придет домой и перезвонит мне оттуда.

– Она могла переслать названия этих лекарств на твой телефон или на твой электронный адрес, – раздраженно напомнил Милован.

«Неужели она так серьезно больна? – встревожился Дронго. – Ведь такая молодая. Что с ней такое?»

– Это неудобно, – пыталась объяснить Рэчел, словно услышав его мысли, – речь идет о лекарствах для моего отца. Мы заказали их в Германии, и я должна была подтвердить заказ по Интернету. Ты ведь можешь понять, почему я задержалась?

– Ладно, – махнул рукой этот наглый хам, поднимаясь со своего шезлонга, – идем на пляж, мне уже надоело бултыхаться бассейне.

Она согласно кивнула. Идя за ней, Милован легко шлепнул ее чуть ниже спины, и Дронго в очередной раз почувствовал легкий укол ревности. Он заметил, как девица невольно дернулась, ей явно не понравился этот вульгарный жест. И ему он совсем не понравился. И вообще он испытывал непонятное чувство, будто это Натали уходила с наглецом на пляж. Он поднялся и отправился следом за ними, даже не совсем понимая, зачем это делает.

На пляже стояли в ряд своеобразные навесы, похожие на большие, вкопанные в землю палантины, под которыми могли поместиться сразу по несколько шезлонгов. Сотрудники отеля приносили матрасы и свежие полотенца. Милован и его подруга заняли места под крайним навесом. Рядом разместилась какая-то молодая пара. Мужчине было около тридцати пяти, а его спутница на вид лет на десять моложе. Изящное тело, длинные ноги. Она лежала на солнце, сняв с себя бюстгальтер и подставив солнечным лучам небольшую упругую грудь. Ее бикини чисто символическое, его можно было разглядеть только, подойдя достаточно близко. Такое ощущение, что она загорает голой. Дронго прошел к соседнему навесу и устроился на свободном шезлонге.

Милован и Рэчел заняли свои шезлонги, бросив на них свои полотенца. Дронго напряженно следил за Рэчел. Она сняла парео, затем взглянула на молодую женщину, загоравшую с обнаженной грудью, и кажется, на секунду заколебалась. Он замер, стараясь не дышать. Было такое чувство, словно твоя собственная подруга собирается обнажить грудь в присутствии чужих мужчин. «Не раздевайся!» – твердил он про себя, будто Рэчел могла услышать его мольбу. Она не стала снимать бюстгальтер. Оставила парео на шезлонге и пошла к морю. Милован последовал за ней. Лежавший на соседнем шезлонге мужчина поднял голову и лениво сказал по-русски:

– Красивая женщина.

Его спутница тоже подняла голову и посмотрела в сторону уходивших.

– Ничего особенного, – произнесла она, – обычный зад и небольшая грудь.

– У тебя тоже грудь не самого большого размера, – заметил мужчина.

– Она выше меня на целую голову, – возразила женщина. – Но я уже заметила, что тебе нравятся именно такие особы.

– Мне вообще нравятся красивые женщины, поэтому мы и приехали с тобой в этот отель, – ухмыльнулся мужчина.

– Спасибо за такой своеобразный комплимент. – Опустив голову, женщина закрыла лицо панамой.

Мужчина поднялся и сел на своем шезлонге. На нем были треугольные узкие плавки. Дронго часто обращал внимание на подобную характерную одежду мужчин, прибывающих из стран СНГ. Треугольные и слишком обтягивающие плавки выдавали их обладателей, в отличие от длинных шорт-плавков, которые носили европейцы и американцы.

Незнакомец достал телефон и начал громко говорить, не стесняясь своих соседей. Очевидно, его подвел кто-то из подчиненных, так как он выговаривал ему за понесенные убытки и объяснял, что тому придется отвечать за свои просчеты. Дронго недовольно поморщился. Мужчина был явно из тех, кто прилетает на подобные дорогие курорты в сопровождении знакомых подруг и остается здесь не больше нескольких дней, попутно осуществляя руководство своим бизнесом.

Дронго лег на свой шезлонг, ожидая, когда вернутся Милован и Рэчел. Рядом с ним продолжал громко разговаривать бизнесмен, уже основательно разозлившийся на своего работника. Через несколько минут он вообще поднялся и ушел с пляжа. Его подруга ринулась было за ним, но он махнул рукой, жестом показывая, чтобы она осталась на пляже.

Через некоторое время появились Милован и Рэчел. Дронго обратил внимание, что подошедший первым к шезлонгам Милован взял полотенце и начал им вытираться, даже не подумав предложить его своей подруге. Она прошла дальше и взяла другое полотенце.

Милован растирал свое тело, глядя на лежавшую рядом незнакомку с обнаженной грудью и не скрывая своего явного интереса. Рэчел заметила его взгляд, но ничего не сказала, устраиваясь на своем лежаке. Милован взглянул на нее.

– Почему ты не загораешь топлес? – поинтересовался он. – Это красиво и очень возбуждает. Посмотри вокруг, здесь почти все женщины так загорают.

– Это их дело, – пожалала она плечами, – я не люблю загорать подобным образом.

– Ну и глупо, – пожал он плечами, – хотя, конечно, это твое личное дело. Посмотри на нашу соседку. Кажется, она из России.

– Возможно, – согласилась Рэчел, даже не посмотрев в сторону незнакомки.

– Ты даже взглянуть не хочешь, – обиделся Милован.

– Мне это неинтересно, – отрезала она. – Если тебе нравится, то ты и смотри.

Прислушивающаяся к их разговору незнакомка сняла панаму и поднялась, даже не подумав прикрыться. Очевидно, она понимала немного по-английски и улыбнулась Миловану. Тот улыбнулся ей в ответ, а Рэчел демонстративно закрыла глаза.

– Вы из России? – на плохом русском спросил Милован. – Я слышал, как вы говорили по-русски.

– Да, – кивнула незнакомка, – мы прилетели три дня назад. Меня зовут Ирина.

– А я – Милован. Из Сербии.

– Очень приятно. – Улыбка Ирины стала еще шире.

Разговор мог бы продолжаться, но в этот момент зазвонил мобильный телефон женщины. Она достала аппарат и, выслушав позвонившего, коротко ответила:

– Я сейчас приду. – Очевидно, это звонил ее друг, покинувший пляж раньше нее.

– Вы приехали отдыхать сюда вместе с мужем? – спросил Милован.

– Нет, это мой друг, – пояснила Ирина, собирая свои вещи.

– Приятно слышать, – нахально заявил Милован, нисколько не смущенный присутствием своей подруги.

– До свидания, Милован, – сказала на прощание Ирина, протягивая руку, – надеюсь, мы еще с вами увидимся.

Она обмотала парео вокруг груди и, забрав сумку с вещами, пошла в сторону основного здания отеля. Милован проводил ее долгим взглядом с явным сожалением. Взглянув на него, Рэчел равнодушно заметила:

– Тебе явно хотелось продолжить ваше знакомство.

– Я бы не отказался, – цинично согласился Милован. – А ты делала вид, что тебя не интересует наш разговор, но все внимательно слушала.

– Просто иногда хочу понять, почему я прилетела сюда именно с тобой.

– Поняла?

– Кажется, начинаю понимать. Это ошибка. Достаточно серьезная ошибка. Хорошо, что мы сняли два смежных номера, а не один общий.

– Это нужно понимать как вызов? – ухмыльнулся Милован. – Хочешь разорвать наши отношения?

– Хочу снова уважать себя, – отрезала Рэчел, – и боюсь, что с тобой это чувство у меня не скоро появится.

– Предпочитаешь разбежаться? – с нажимом спросил Милован.

– Пока не знаю. – Рэчел поднялась, набрасывая на себя парео.

– Больше не будешь купаться?

– Нет, вернусь в свой номер.

– Как хочешь, – спокойно проговорил Милован и отвернулся.

Рэчел забрала свои вещи и, уже не глядя в сторону своего друга, направилась к зданию отеля. Он пробормотал нечто невразумительное, возможно, на своем языке, и Дронго сжал зубы. Ему показалось, что этот мерзавец оскорбил его близкую знакомую. Нужно было подняться и уходить, но он продолжал лежать на своем шезлонге, не в силах даже пошевелиться. Через несколько минут раздался телефонный звонок, и Милован достал свой аппарат.

– Слушаю, – сказал он по-английски чуть тише обычного, – да, это я. Мы пока отдыхаем и собачимся в этом отеле. Не знаю, что там будет дальше. Она сказала, что отец серьезно болен. Я все понимаю, но пока ничего не получается. Она женщина с характером и с гонором.

Видимо, позвонивший что-то выговаривал Миловану.

– Я все понимаю, – зло повторил Мешкович, – но пока ничего не получается. Она не хочет никуда лететь, а в Турции все это повернуть просто невозможно. Если ты такой умелый, сам прилетай сюда и договаривайся с ней. У меня не получается...

Позвонивший что-то снова громко сказал.

– Не кричи, – огрызнулся Милован, – я все понимаю. И про ее отца, и про нас всех. Но пока ничего не выходит. Хорошо, что мы смогли сюда прилететь. В общем, я буду стараться. Посмотрим, что получится.

Он убрал телефон, озираясь по сторонам. Никто не мог слышать его разговор, даже высокий мужчина лет пятидесяти, лежавший под соседним навесом. У него было такое безмятежное спокойное лицо... Милован, успокоившись, отвернулся. Откуда ему было знать, что лежавший под соседним навесом мужчина был самим Дронго, который прекрасно слышал разговор Милована по телефону...

Мешкович пошел к отелю, и Дронго остался один. Часы показывали шестой час вечера. Он достал аппарат и набрал номер своего напарника и друга Эдгара Вейдеманиса, находившегося в Москве.

– У меня к тебе важное дело, – сказал он, услышав его голос. – Срочно проверь по Интерполу и через все наши каналы данные на Милована Мешковича, туриста, прибывшего в отель «Кемпински» из Сербии. Его данные могут быть на гостиничном сайте. Все, что сможешь найти, срочно пересылай мне. Заодно проверь данные на Рэчел Блэксли, гостью из Австралии.

– Опять ты влез в какое-то дело? – догадался Вейдеманис.

– Пока нет, но меня в него усиленно тянут. Найди все, что сможешь, и очень срочно.

– Придется звонить в Лион, нашим знакомым, – напомнил Эдгар. – Не думаю, что в Москве есть данные на этих иностранцев.

– Узнай все, что можно узнать, – снова попросил Дронго, – мне это очень важно. Если нужно, передай в национальное отделение, чтобы сделали официальный запрос.

– Завтра перезвоню, – пообещал Эдгар, – и постарайся беречь себя, чтобы не попадать ни в какие серьезные переделки. До свидания.

Дронго убрал телефон. Кажется, Рэчел в серьезной опасности, если этот тип пытается подобраться через нее к ее отцу. Или ему так показалось?

Глава 6

В шестом часу вечера Дронго отправился в съют Райнера Веземана. Позвонил и подождал, пока тренер откроет ему дверь. В двухкомнатном номере Веземана был образцовый порядок, все вещи уложены в шкаф и расставлены по полкам. Он устроился на диване, и Веземан включил свой ноутбук, показывая диск, на котором были указаны все члены команды. Затем протянул список.

– Здесь все, – пояснил он, – и еще я добавил тех, кто с нами приехал.

– Супругу Бочкарева включили? – спросил Дронго.

– Конечно, нет, – удивился Веземан, – она никогда в жизни не была в нашей раздевалке и не спускалась туда. Как и Марина Фарбер. Она считает, что там слишком сильно пахнет мужским потом. Ну, это правда: там действительно пахнет мужчинами, а не парфюмом.

– Это еще ничего не значит, – возразил Дронго, – причины для подобных действий могут быть самыми различными. Мне нужно все проверить, прежде чем я смогу найти нужного вам отравителя.

– Действуйте, – согласился Веземан. – Мы будем здесь еще несколько дней, и я надеюсь, что до нашего отъезда мы сумеем вычислить этого предателя.

Дронго забрал список и диск и попрощался с тренером. В своей комнате он переписал содержимое диска на свой ноутбук, добавив туда всех указанных в списке людей.

«Тридцать восемь человек, из них некоторых можно исключить, – подумал он, – а некоторых добавить, обратив особое внимание на биографические данные футболистов, их годы рождения и физические параметры, число забитых голов и сыгранных матчей... Эти данные не помогут вычислить возможного отравителя, но дают представление о всей команде и ее игроках. Нужно будет более подробно поговорить о каждом с Веземаном и, конечно, со Скульским. А может, и с Чаржовым. Хотя Скульский вне всяких подозрений, он появился здесь уже после двух отравлений Епифанцева, а Чаржов может оказаться одним из самых главных подозреваемых».

Кажется, Веземан говорил, что начальника команды тоже не было с ними в обоих случаях, когда травили Епифанцева. Но это еще не гарантирует алиби самого Михаила Арташевича Бабаяна. Ведь среди команды мог оказаться его исполнитель. Видимо, в качестве союзника придется использовать Скульского. Хотя и в этом случае все может оказаться гораздо сложнее. Возможно, все было подстроено таким образом, чтобы пригласить этого частного детектива и окончательно запутать поиски виновного. Или Чаржова, которому логично было бы поручить подобную «операцию». Уравнение с тридцатью неизвестными. Или чуть меньше. Охранников исключили, Бабаяна в обоих случаях не было, женщины в раздевалку не спускались. Можно убрать многих, и тогда останется основной костяк команды. И все равно придется искать возможного отравителя среди них.

И еще Рэчел. Судя по разговору этого проходимца Милована, там происходит нечто странное. Ему и его неизвестному другу нужен отец Рэчел. Интересно, кем он работает и почему он так интересуется Мешковича? Нужно узнать как можно скорее, пока не случилась какая-то беда. Судя по всему, он не очень уважает и любит свою спутницу».

Дронго еще раз просмотрел список. Затем поднялся, чтобы переодеться к ужину. Согласно правилам за ужином не рекомендовалось появляться в шортах или пляжных костюмах. Он переоделся, надев рубашку с короткими рукавами и светлые брюки. Вниз спустился, когда часы пробили уже восемь. В этот вечер за ужином была представлена кухня народов Средиземноморья. Он выбрал себе еду, направляясь к своему столику. Футболисты ужинали за столами, установленными в ряд на краю открытого ресторана под звездным небом. Дронго обратил внимание, что за крайним столиком уселся сам Бочкарев вместе со своей помощницей,

которая оказалась рядом. Вместе с ними сидел и седой мужчина лет пятидесяти. Судя по фотографиям, записанным на диске, это был начальник команды Михаил Артешесович Бабаян.

Очевидно, Бочкарев намеренно устраивался ужинать со своими футболистами, демонстрируя показной демократизм. Напротив него сидели относительно молодой человек с мелкими чертами лица, пресс-секретарь Феликс Олегов, сам Веземан и еще один полноватый мужчина лет шестидесяти. Его большая лысина и круглое лицо не позволяли перепутать его ни с кем другим. Это был Денис Петрович Григурко, специалист по питанию команды, шеф-повар, лично контролирующий диету футболистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.